

Шастер резко прищурился:

— Ланселот Алекс.

Ланселот насмешливо вскинул бровь.

— Не ожидал, что Ваше Высочество помнит меня. Какая великая честь.

Затем он притворно охнул, будто его осенило:

— Ах да, совсем вылетело из головы. Вы ведь больше не наследный принц империи Гасман. Теперь вы лишь грязный ублюдок, прижитый бывшей императрицей от связи с собственным кузеном.

Шастер медленно сжал кулаки, но лицо его осталось бесстрастным, словно маска. Скользнув взглядом по затянутым в чёрное фигурам за спиной Ланселота, он сухо спросил:

— Ты ведь вице-епископ церкви Одеи. Что ты здесь забыл?

Город Одеи находился ближе всего к Кастару. С самого начала Шастер опасался, что тамошние церковники захотят вмешаться. Однако, в отличие от Кастара, Одеи с трёх сторон омывался морем. Акулолюди круглый год совершали туда набеги, поднимаясь из глубин ради грабежей и охоты на женщин, и именно сейчас их наводнения достигали пика. Взвесив все за и против, Шастер рассудил, что Одеи сейчас не до внешних интриг — отбиться бы от морских тварей.

Оказалось, он жестоко просчитался.

Ланселот самодовольно расплылся в улыбке.

— Не явись я сюда, разве увидел бы такое чудесное зрелище? К тому же акулолюди долго без морской воды не протянут. Ну ворвутся они в Одеи, порезвятся немного, да и уберутся обратно в свою бездну.

А сколько при этом погибнет простых горожан — пустяки. И Храм, и императорский двор единодушно сошлись бы на том, что смерть Шастера стоит любых жертв.

Словно вспомнив о чём-то, Ланселот повернулся к епископу Броуду и его свите, ожёгши их презрительным взглядом:

— И слава богу, что я здесь. Иначе это стадо тупиц окончательно опозорило бы Святой

Престол.

Улыбки на лицах Броуда и его клириков, только-только воспрянувших духом при виде подкрепления, мгновенно увяли. Однако спорить и обижаться сейчас было некогда.

Епископ Броуд закричал, срывая голос:

— Вице-епископ Ланселот! Скорее, прикончите их! Клянусь, мы уступим вам все заслуги перед Папой!

На губах Ланселота заиграла довольная усмешка. Глупы-то они глупы, но выгоду чувствуют отлично. Стало быть, торговаться не придётся — все лавры достанутся ему одному.

У Шастера перехватило дыхание.

Стоявший подле него старый консул Кинсли в ярости заскрежетал зубами:

— Я помню, как старейшина рода Алекс на коленях клялся пред лицом императора-основателя, что его кровь до последнего вздоха будет служить короне и народу! Твой дед, твой отец, твой старший брат — величайшие герои империи! А ты... ты обрекаешь на растерзание сотни тысяч невинных душ в Одеи!

Ланселот резко перебил его, брызжа желчью:

— И именно поэтому мой дед сгинул в неизвестной могиле на поле боя, отец остался калекой без обеих ног, а старший брат до сих пор прозябает в жалкой должности вице-капитана!

Он плавно обнажил клинок.

— К тому же, когда вы сдохнете, кто расскажет о нарушенной клятве? Но самое главное — ваша кровь на моих руках откроет мне двери к самому понтифику и императору. С этого дня начнётся моё великое восхождение! Ты, Шастер, ныне ни на что не годный калека. Так почему бы мне не использовать этот хлам с пользой?

Договорить он не успел. Размазавшись в воздухе, Ланселот мгновенно сорвался в телепортационный рывок и вырос прямо над головой Шастера. На его губах играла хищная улыбка, когда тяжёлый клинок устремился вниз, грозя рассечь принца надвое.

Лязг!

Вице-капитан Нисс в последний миг успел вскинуть свой меч, приняв сокрушительный удар на

сталь.

Ланселот ничуть не раздосадовался неудаче. В ту же секунду сотня следовавших за ним убийц в чёрных мантиях сорвалась с места, точно свора голодных псов. Они мгновенно связали боем защитников принца, отсекая от него верных рыцарей и лишая их всякой возможности прийти на выручку своему господину.

Ланселот медленно двинулся к Шастеру, волоча остриё меча по камням.

— Ну вот. Теперь нам никто не помешает. А ведь когда-то ты был великим человеком. В восемнадцать лет объявлен наследником престола, едва переступил порог казармы — сразу получил под командование орден... Какая завидная судьба! Не то что у меня — безродного ублюдка, прижитого служанкой, которая подсыпала зелье раненому хозяину и затащила его в постель. Мне приходилось всего добиваться самому. Но ты ведь и в кошмарах не мог представить, что доползёшь до такого бесславного финала, верно?

С этими словами Ланселот снова замахнулся.

Шастер медленно, без тени суеты поднялся на ноги. Он небрежно стряхнул пыль со своих рукавов, поднял взгляд на Ланселота и внезапно мягко улыбнулся.

— Дело не в том, что я не ожидал подобного исхода. Просто я до последнего недооценивал, насколько глубока бездна человеческой низости.

Его тон мгновенно обрёл ледяную твёрдость:

— Но если ты, ничтожество, вообразил, будто я стал беззащитной добычей... ты глубоко заблуждаешься.

— Что ты нес... — начал было Ланселот, но осекся.

— Ветряные оковы! — негромко скомандовал Шастер.

Из его ладони с сухим свистом вырвалась тугая, сияющая лазурью цепь. Она казалась почти осязаемой, а её кончик венчало бритвенно-острое жало. Оковы ураганом рванулись к груди Ланселота.

Тот похолодел от ужаса и отчаянным рывком бросился вправо. Смертоносное остриё прошло в волоске от его щеки. И всё же сопутствующий порыв ветра рассёк ему кожу на скуле. Ланселот едва успел облегчённо выдохнуть, как его взгляд зацепился за страшную деталь: краем глаза он уловил, что пущенная цепь совершает резкий, противоестественный разворот.

Уклониться во второй раз он физически не успевал.

Хруст!

На глазах у онемевшего вице-епископа сияющее лезвие начисто срезало его левую руку у самого плеча.

— А-а-а-а! — захлебнулся диким криком Ланселот.

Он рухнул на колени, судорожно зажимая хлещущий кровью обрубок, и уставился на принца безумным взглядом:

— Ветряные оковы?! Но как... Твоя магия... ты исцелился?!

Шастер раскрыл ладонь. Вернувшаяся цепь послушно скользнула в его пальцы и мгновенно сконденсировалась в изящный полупрозрачный клинок. Раз уж карты раскрыты, таиться больше не имело смысла.

— Именно так. И ещё одно. Мой стремительный взлёт в армии объяснялся тем, что в девятнадцать лет я уже носил ранг магистра магии. Ты же старше меня на пять лет, но до сих пор пресмыкаешься на уровне ничтожного мастера меча. И после этого ты смеешь ровнять себя со мной, жалкий червь?

Ветряной клинок в его руке вновь распался, устремляясь вперёд смертоносной лентой.

Сердце Ланселота ушло в пятки. К счастью для него, один из гвардейцев успел заслонить его собой:

— Вице-епископ, назад!

Выставив копьё, воин ловким ударом отбил летящую цепь и ринулся в контратаку.

Ланселот судорожно вдохнул, но не успел он даже моргнуть, как голова защитника покатилась по брусчатке — Шастер с холодной невозмутимостью перерубил ему шею одним скупым движением.

Лицо Ланселота перекосило от бессильной ярости. От былой спеси не осталось и следа. Он грубо отшвырнул подбежавших магов светлой школы, которые торопливо пытались приладить отрубленную руку обратно и применить исцеление.

— Прочь! Плевать на руку! Убейте его! Порвите на куски!

Повинуясь крику, десятки убийц мгновенно перенаправили свои клинки и заклинания на принца.

Рыцари резиденции градоправителя взревели, наливаясь бешеной яростью:

— Защищайте Его Высочество!

— Костями ляжем, но не отступим!

Натиск был страшен, но защитникам принца невероятным усилием воли удалось сплотить ряды и остановить эту лавину. Завязалась безумная, кровавая сеча.

Шастер двигался среди врагов как призрак, каждым взмахом обрывая чью-то жизнь. Глядя на то, как его элитные бойцы валятся один за другим, Ланселот скрипел зубами от бессилия. Эти наёмники в чёрных плащах собирались им по крупицам, они были его личной гвардией и главным козырем. Потерять их здесь означало лишиться всякого политического веса в империи Гасман.

Сражение затягивалось, и епископ Броуд бледнел с каждой секундой. Внутри него зрел панический страх — они слишком часто терпели неудачи от рук этого проклятого принца. Принц Шастер уже не раз обводил их вокруг пальца.

Внезапно воздух содрогнулся от далёкого гула.

Обернувшись, епископ Броуд замер. К Центральной площади со всех ног мчалась большая группа беглецов в глубоких капюшонах, а по пятам за ними, сверкая доспехами, неслась тысячная толпа городской стражи.

У Броуда перехватило дыхание, глаза его безумно заблестели.

— Это Кабу! Это они! Они прорвались, они возвращаются на площадь!

Одного этого крика хватило, чтобы пошатнувшиеся ряды храмовников и рыцарей воспрянули духом.

— Лорд Кабу с нами! К нам идёт подкрепление, еретикам конец!

— Смерть предателям! Смерть!

Лицы защитников резиденции мгновенно утратили последние краски.

Шастер до боли стиснул пальцы на рукояти меча.

«Неужели... это конец? Неужели мы проиграли?»

Этот ликующий рёв докатился и до сырых подвалов окрестных домов. Прятавшиеся там горожане, судорожно обнимая перепуганных детей, безмолвно заплакали. Все понимали: если градоправитель падёт, в город хлынут фанатики из Церкви Убийц Богов. Тогда пощады не будет никому.

На залитой кровью мостовой один из израненных рыцарей городской стражи в отчаянии закричал, глядя в равнодушное небо:

— О, великий Бог Света! Почему ты отвернулся от этой земли?! Почему не взглянешь на своих преданных слуг, на свой изнывающий народ?!

В тот же миг над площадью раскатился торжествующий визг Броуда:

— Кабу! Быстрее! Прикончи этих псов!

Шастер, вопреки всему, вдруг обрёл странную, ледяную ясность ума.

«Бог Света?»

«Какая нелепость... Разве существует в этом мире хоть какой-то милосердный бог?»

Ведь те, кто прямо сейчас рвал его людей на части, называли себя избранными посланниками этого самого Света. Собственная жизнь его мало заботила. Но он не имел права тащить за собой в могилу тех, кто доверился ему и остался верен до самого конца.

Приняв решение, Шастер глухо, но отчётливо произнёс:

— Я задержу их. Ищите любую брешь и вводите людей. Прорывайтесь.

— Ваше Высочество, нет! — взмолились рыцари, их глаза застилали кровавые слёзы.

— Без лишних слов! — жёстко оборвал их Шастер. — Иначе мы все останемся гнить на этой площади. И пошлите гонца в деревню Тахэ... пусть уходят.

Он уходил, зная, что подвёл их всех. И эта вина жгла сильнее любых ран.

Поняв намерения принца, Ланселот, несмотря на страшную рану, хрипло расхохотался. К нему мгновенно вернулась прежняя спесивая уверенность.

— Удрать решили? — выплюнул он, упиваясь своей властью. — Думаешь, я позволю хоть одной собаке уйти отсюда живой?!

Его визг, усиленный магией, раскатился над Центральной площадью:

— Смерть им! За голову рядового рыцаря я плачу две золотые монеты! За десятника — десять! За голову любого командира — десять тысяч золотом!

Наёмники и храмовники, ослеплённые жаждой наживы, взревели как дикие звери.

— Кровь! Золото! Убить их всех!

Их крошечный оборонительный рубеж окончательно смяли, прижав выживших к глухой стене ратуши.

Ногти Шастера до крови вонзились в ладони. Он не думал, что его путь оборвётся вот так — бесславно, в грязи захолустного Кастара. Но сожалений не было. Победитель забирает всё, проигравший платит жизнью — таков суровый закон этого мира. Он сделал всё, что было в его силах.

И всё же внутри всё клокотало от невыносимой, удушающей обиды. Он просто не мог примириться с этим поражением.

Шастер яростным выпадом отсёк руку очередному наседавшему храмовнику.

За что ему эта участь? Он за всю свою жизнь не совершил ни единого бесчестного поступка. Он защищал невинных, стоял за правду. Но если он погибнет здесь... кто вернёт доброе имя его замученной матери? Кто отомстит за невинную кровь его родного дяди?

Нет. Он ещё дышит, а значит — битва продолжается!

Он бросил отчаянный взгляд на скромное серебряное кольцо, покоившееся на указательном пальце левой руки. Взгляд его потемнел от безумной надежды.

«Ты ведь поможешь мне? Пожалуйста...»

Но побежала секунда, другая, третья... Пространственное кольцо хранило гробовое молчание. Знакомая тёплая вспышка золотого света так и не озарила его грани.

Шастер хрипло, со свистом выдохнул. Последняя искра надежды в его глазах медленно угасла. Даже кольцо отвернулось от него в этот роковой час.

Как раз в этот миг кольцо окружения окончательно замкнулось — подоспели те самые зловещие фигуры в чёрных плащах.

Глядя на обречённого принца, Ланселот зашёлся в торжествующем экстазе:

— Сдайся, Шастер! Сложи оружие, и, быть может, я проявлю милость — позволю похоронить твоё тело неизувеченным!

Словно вспомнив что-то исключительно забавное, он всплеснул уцелевшей рукой и залился лающим смехом:

— Ах, какая удача, что ты вернул себе былую магию! Представь: не явись я сюда сегодня со своими людьми, ты со временем вновь обрёл бы былую мощь и стал бы смертельной угрозой для императорского дома и Святого Престола! А значит, Его Величество и Папа осыплют меня такими дарами, о каких я и мечтать не смел! Ха-ха-ха-ха!

Шастер смотрел на приближающихся со всех сторон убийц сквозь пелену заливающей лицо крови. Сердце его сковал могильный холод.

Это был финал. Всё действительно кончено.

Однако в следующее мгновение безумный хохот Ланселота захлебнулся и оборвался на полуслове. Тончайшее, почти невидимое Ветряное лезвие со свистом пронеслось сквозь пространство, начисто срубив его голову.

Пока во все стороны хлестала горячая багровая кровь, в голове дезориентированного Шастера воцарилась звенящая пустота.

И сквозь этот шорох падающего тела прозвучал до боли знакомый, ленивый голос:

— Шумно-то как.

Безглавый труп Ланселота тяжело рухнул в дорожную пыль, открывая взору фигуру стоявшего позади человека. Он недовольно морщился от яркого солнца. Свет, бивший ему прямо в спину, очерчивал его силуэт сияющим ореолом, превращая его в сошедшее на землю грозное божество.

В эту секунду Шастер отчётливо ощутил, как его сердце пропустило удар, а дыхание окончательно остановилось.

<http://bllate.org/book/20654/2182013>